

НЕВЫДУМАННЫЙ ЦИРК НИКОЛАЯ ЛЫСАНОВА

ТАЙНА ЦИРКА

Поутру в шпигито, полон смутных надежд
Я ходил по билету, как зритель,
Но шагнул за барьер и попал на манеж,
И обратно никак мне не выйти.

Здесь удачи в цене, а обиды не в счет.
Здесь рискуют не ради бахвальства.
Необычность привычных вещей и еще
Постоянное непостоянство.

Я люблю этот мир, эту жизнь и людей
Полусказочных, полуреальных.
Очень жаль, что они в постоянной нужде,
Кто в духовной, кто в материальной.

Я люблю эту грусть постоянных разлук,
Эти споры и ужины в полночь,
Только холод в груди, если встретится вдруг
У служебного "Скорая помощь".

Синяки не мешают идти нам вперед:
Жизнь - горчица: чем горше, тем лучше.
И отчаянье мне столько сил придает,
А ошибки терпению учат.

Иногда в лицедействе замечен обман -
Жизнь есть жизнь. Нас простите, ребята.
Очень трудно смешить, если прячешь в карман
Телеграмму о гибели брата.

Только дождик и клоуны падают вниз.
Вызывая кто слезы, кто смех.
А мой друг, он гимнаст и хороший артист,
Каждый вечер он падает вверх.

В этом суть и загадка, и глупость, и риск,
И вопрос, и ответ в одном слове.
Потому и выходят к вам из-за кулис
Эти люди все снова и снова.

БЫЛ В ЦИРКЕ СЛУЧАЙ

Клоун вышел в центр манежа, снял шляпу и произнес традиционное: "Добрый вечер!" Его рыжий парик при этом встал дыбом.

- Это он за веревочку дернул, - сказал кто-то в зале. Но клоун не смутился, достал скрипку из футляра.

- Смотри, какой у него большой нос, - радостно сказала девочка в третьем ряду своему папе, но невнимательный папа ответил, что это не настоящий нос, а картонный и держится он на резинке. Они говорили очень громко, или это так показалось Клоуну. Во всяком случае он сделал вид, что ничего не услышал, и расставил ноты. Потом неожиданно споткнулся и упал прямо на скрипку, которая с грохотом развалилась на три части. Из глаз Клоуна брызнули фонтаны слез.

- Да это же не настоящие слезы. Это он воду из клизмы пускает, - успокаивала тучная мамаша своего, готового зареветь малыша. А сидящий рядом мужчина встал и, обращаясь к залу, нервно вскрикнул: "Товарищи! Да что же это такое? Он же всех нас дурачит!"

Зал зашумел. "Врун!", - крикнул кто-то с галерки. Теперь Клоун действительно растерялся и повернулся к инспектору манежа: "Что делать?" Но тот сам растерянно стоял, не понимая, что происходит, и, виновато разводя руками, тоже почему-то произнес: "Врун!" Это еще больше подзадорило зал, и все - кто хором, кто вразнобой стали кричать: "Врун! Врун!" Клоун испуганно заматался по манежу, ища поддержки хотя бы у одного человека среди публики. Но возбужденный зал уже весь скандировал: "Врун! Врун! Врун!" Клоун беспомощно сел посреди манежа, схватился за сердце и, вытащив его из бокового кармана, грустно отбросил в опилки. Вдруг один мальчуган перелез через барьер и подошел к Клоуну. Посмотрел на него серьезными детскими глазами и неожиданно сильно дернул за нос. Резинка со свистом лопнула и это было сигналом к атаке. Теперь уже все дети бросились в манеж. Они сорвали парик, оторвали пуговицы, били Клоуна маленькими ручками и ножками и, также как и взрослые, кричали: "Врун! Врун!"

Вдруг Клоун резко встал. Все замерли в ожидании. Он оглянулся на притихший зал, его нарисованная

улыбка еще продолжала красоваться на лице. Медленно вышел из толпы детей, подобрал ноты и победил за кулисы под победный хохот и улюлюканье зала.

Он бежал по длинным коридорам цирка, никого не замечая, и лишь на темной лестнице, ведущей на чердак, Клоун присел на корточки, прислонившись к пыльной стене, и закрыл уши руками. Так он просидел часа три и слушал удары своего настоящего сердца, пока вдруг не обнаружил, что рукава его костюма мокры. "Неужели я плакал? Боже мой, каким я стал несдержанным", - подумал он. Потом поднялся и не спеша побрел домой.

Прохожих на улице не было. Город давно уже спал. И я спал тоже и видел этот жуткий сон.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи сыночек, спи хороший,
Клоуночек мой.
Спят в конюшне пес и лошадь
В этот час ночной.

Спят вахтеры, спит директор,
Спят реклам огни.
Лишь один не спит прожектор
И манеж под ним.

Спи, и пусть тебе приснится
Цирк твоей мечты,
Где знакомые все лица:
Мама, папа, ты.

Где народ, как в старой сказке,
Верит в чудеса,
Где у клоунов под маской
Добрые глаза.

ТИШЕ! ЦИРК...

В шумном большом цирке ранним утром тихо. Изредка тишину нарушает рев львов из дальней конюшни и кажется, что они где-то рядом. Мне нездоровится. Я лежу в своей гримерке на кушетке и слушаю цирк. Да-да, именно слушаю. Я слышу, как после репетиции повели на кормежку собак, а на манеж выходят акробаты. Слышу, как хрупкая, смелая девочка надевает страховочный пояс перед сложным трюком, как взвизгивает, словно от испуга, блок лонжи, если трюк не удался. Короткие, упругие, как хлопок кнута - "Аи!" - заставляющие повторять вновь и вновь этот трюк, разлетаются эхом по пустому залу и, прячась между кресел, превращаются по вечерам в маленькие зрительские "Ах!"

Ах, цирк! Когда-то ты был такой далекой, недоступной сказкой. Мог ли я тогда думать, что буду, лежа в своей гримерной, слушать твои, ставшие мне родными, звуки.

Акробатов сменили воздушные гимнасты, словно бывалые моряки, дружно поднимающие паруса и налегающие на сухие весла в бурном море надежд и дерзаний. Мерно скрипят о турник накладки на ладонях, и, время от времени, с шумом набежавшей волны кто-то, не долетев до цели, падает в страховочную сетку, но снова и снова взбирается наверх по шаткой веревочной лестнице, ведущей к власти над земным притяжением и страхом.

Пока репетируют воздушные гимнасты, жонглер, обычно стоит у края манежа, разложив булавы на барьере, и разминает кисти рук в ожидании своего времени. Но вот стали доноситься едва уловимые, похожие на стук сердца, монотонные удары булавы о его сухие ловкие пальцы. Три булавы, четыре, пять... От этого сердце начинает стучать чаще, тревожней. И совсем замирает, когда булавы, столкнувшись в воздухе, как две слепые птицы, глухо падают на манеж.

А тишина в цирке наполняется новыми звуками: зашуршали метлами униформисты, заголосила упрямая одинокая труба, заучивая ускользающие куда-то ноты. "Раз-с, раз-с, раз-с..." - раскатилась под куполом громкость микрофона. Засуетилось фойе, зазвенел стаканами и медьями буфет. И через весь этот гомон прорывается, как студент через контроль, первый звонок.

Теперь уже и мне пора вставать, чтобы к третьему звонку успеть превратиться в нескладного длинного клоуна и попытаться вместе с вами, нарушая привычную логику, яснее разобраться в нашей реальной, такой сумбурной жизни.

В середине восьмидесятых, когда начали выходить первые номера тогда еще небольшой газеты "Советский цирк", предшественницы нынешней "Арены", среди многих рубрик и материалов внимание читателей привлекла целевая страница "Клуб искусств "Полифония". Одним из постоянных авторов ее стал молодой артист Николай Лысанов. Его стихи, новеллы, может быть, не всегда профессионально отточены, но главное в них - искренность чувств, любовь к цирку. Именно этим и запомнились те миниатюры.

А потом, узнав, что Николай клоун и работает в цирке на Ленинских горах, я пошел его посмотреть, ожидая, что поэтическое творчество будет как-то преломлено в его работе на арене. Увы, я обманулся. На манеже кувыркаясь, плюхаясь в воду, дурачилась целая вереница размазанных человечков в несурзных париках - все на одно лицо. Это была так называемая клоунская группа. Попробуй-ка отыщи среди них того, кто тебе нужен.

Николай невесело шутил: раньше считалось, что клоун - это мировоззрение, а тут клоунов много, а мировоззрение вроде бы одно на всех; это уже похоже на "единственно верное учение"...

Часто подобные группы, сформированные из выпускников училища, первоначально запрограммированы на "коллективные действия" и - как следствие этого - на заведомый провал. О какой индивидуальности, о каких творческих поисках тут говорить - прыгай, падай посмешнее, лишь бы публика не скучала. Многие, кстати, устав за годы добиваться воплощения своей идеи, в конце концов удовлетворяются этой начальной фазой, так и оставаясь на всю жизнь "веселыми затейниками".

С самого начала, еще в годы учебы, у Николая была цель - создать клоуну с конкретными образами, необычайной композицией, интересными характерами персонажей. Не сразу, но он добился своего, пройдя сквозь "творческий путь" клоунских групп и сумев благополучно выйти "на волю", не утратив свежести восприятия и чувства вкуса.

Те, кто уже видел выступления Ольги и Николая Лысановых, наверняка прониклись симпатией к их героям, не совсем обычным для нашего манежа - отверженному бродяге Кохе и преданно следующей за ним повсюду доверчивой и смешной девушке Крохе. Ситуации, в которые попадают эти два персонажа, проходят единой сюжетной линией через все представление. Каждая сценка проникнута психологизмом, жизненно достоверна. И, что главное, все обыгрывается чисто цирковыми средствами. Экцентрика, элементы пантомимы, шаржирование - все это в арсенале клоунской пары.

Творческий процесс продолжается. Николай ищет новые ходы, новые средства выразительности. И не перестает писать о цирке, о его людях, о труде артистов. Совсем недавно он подготовил любопытный, на мой взгляд, сборник "Аviso" (так в цирке называют перечень номеров программы). Сборник составлен в виде дивертисментного представления, где в качестве номеров и аттракционов выступают рассказы, а в паузах между ними - стихи. Сборник существует пока как довольно объемная стопка машинописных листов. Но - бываю ведь невероятности даже в наше прагматическое время - а вдруг издатели все же заинтересуются, и книжка выйдет в свет. Как говорится, дай-то Бог!

Пока же мне хочется познакомить читателей "Арены" с несколькими фрагментами из будущей книги Николая Лысанова.

Н. АРАКЕЛОВ